

Когда всё впервые и вновь...

Литературная нива Судака никогда не была бесплодной. Но 2022 год по своей урожайности – весьма примечателен: в течение этого года вышло в свет шесть поэтических книг судакских авторов, представляющих литературное объединение «Киммерия». Вообще, выход новой книги принято считать осознанием качественного рубежа на пути автора в познании мира и себя, публичной констатацией некоего момента истины в творческом движении. Поэтому мы, ещё не прочитав книги, понимаем: значит, у шести судакских поэтов оформились очень важные, может быть, судьбоносные осознания, которые потребовали выхода к читателю. У одних авторов – Александра Трибушиного, Валентины Шевченко, Аллы Стельваги, Татьяны Тетыши, Елены Сапроновой – это произошло в очередной раз, и снова – с очевидным художественным результатом, в чём можно убедиться, обратившись к их новым книгам.

*А у **Индиры Рыжак** выход к читателю случился впервые. Знаковость первого литературного опыта молодого поэта заслуживает и особого читательского внимания...*

Уже лишь бегло пролистывая эту книгу, замечаем, что она составлена из поэтических размышлений, на которые ещё не пала тревожная тень последних событий, она – результат размеренного взращивания поэтической мысли о мироощущениях обычного, мирного течения жизни и для понимания своих вестей требует чуткости и пристального вчитывания...

Сразу же обращает на себя внимание, что в авторском повествовании Индиры Рыжак нет меток времени, какие обычно присутствуют в поэтических книгах: например, характерных знаков эпохи или дат написания стихов. Не встретишь здесь и географических меток: названий городов, урочищ, наименований природных объектов – гор, моря, леса... Создается впечатление, что события книги происходят в некоем особом пространстве, обнаруженном лично автором. И автор здесь – не просто наблюдатель, а лирическая героиня, созерцающая его в каком-то первозданном поэтическом порыве и влиятельно участвующая в его необычных излучениях.

Такая экспозиция, невзирая на непоименованность мест, с первых страниц книги позволяет читателю почувствовать, что Индира не просто рассказывает о впечатлениях своей жизни – она доверительно впускает человека (волей случая заинтересовавшегося книгой неизвестного автора) в некое сакральное пространство, за порог её интимного мира.

И описание этого мира весьма примечательно...

С самых первых строк книги читатель почувствует её неумозрительный аромат – авторской очарованности жизнью и многоликой природой, – озадачивающий вопросом: откуда произрастает такое открытое, светлое и доверчивое мироощущение? Благо, автор не оставляет в неведении, одаривая читателя буквально программным монологом о своей лирической героине:

Место силы

Она уходит на зов моря
В барханы прибрежных земель.
Там спит её сердце
Среди россыпи камней-лепестков
Белого цвета.
Там хранится её вечное лето,
Неувядающая молодость и красота.

Она каждый день слышит этот зов
Белой чайки, парящей
В лучах заходящего солнца.
Душа её принадлежит вершинам гор и глубине пещер.

Её ждут с надеждой во взгляде,
Ей готовят индиговый наряд,
Протягивает ветви изумрудный лес,
Роняют жемчуг раковины моря,
Россыпью алмазов бегут ручьи.
Всё в неге ждёт её прихода,

Её открытой искренней любви.

Она в пути.

Много всего вычитается в этих строках: и любование невероятной красотой природы, явленной в каком-то (интуитивно узнаваемом читателем) приморском локусе, названном «Местом силы»; и доказательное повествование автора о самоощущении себя (в образе лирической героини) неотрывной частью природы («Душа её принадлежит вершинам гор и глубине пещер...»); и чёткий акцент на особом свойстве природного места силы пробуждать в человеке талант созерцания («Она каждый день слышит этот зов...»); и осознание автором-лирической героиней своего личного долженствования – в ответ на щедрость природы – отразить и её красоту, и её силу («Её ждут с надеждой во взгляде...»).

И ещё в контексте этого стихотворения угадывается, на наш взгляд, важнейшее осознание автора – особого ракурса своего мировидения, которое отразилось в неслучайном упоминании: «Ей готовят индиговый наряд...». Индиговое самосознание автора находит выход во множестве духовных смысловых приоритетов её поэтического повествования и, косвенно, – в особом отношении с сине-голубой цветовой гаммой окружающего мира: «Твой мудрый взгляд в синеющую даль...»; «Изменчивая кромка кобальтовой чаши...»; «Смотри на небо синего маренго и волн прозрачных бирюзу...»; «И голос мой дрожит от капель слёз бериллового моря, что так давно зовёт меня в тиши...»; и даже голубой цветок, отличающийся своей трепетной особостью, выделен поэтом из букета других цветов: «...в руках букет из василька, одуванчика и белой кашки, и голубого хрупкого цветка, такого, что под дуновеньем ветра осыпается лепестками-крылышками».

На наших глазах из стихов поэта выстраивается её неординарное бытийное пространство с чётко обозначившимися основаниями и ценностными ориентирами. В нашем мире, где происходит стремительное размывание добра и зла, *начинающий поэт слагает счастливый и радостный мир, суггестивно входящий в душу читателя своей пантеистической гармонией*. Ей, на самом деле, введома поднимающая и гармонизирующая сила природы, декларируемая как «дар» мироустройства, который она смогла освоить:

Дар

Я подхожу к черте,
Чувствую прикосновение леса.
Я погружаюсь в тишину,
Вбираю сердцем пенье
Среди деревьев затаившихся птиц.

Мгновенье.
Я погружаюсь в цвет,
В гранёный лик камней,
В ветвей танцующих изгибы.
И ниспадает исцеляющий ручей
В души моей сокрытые глубины,
Вмиг наполняя и утоляя.

Я принимаю Дар.
Преобразую дикий пляшущий пожар
В любви танцующее пламя,
И наполняется душа спокойным радужным мерцаньем.

Совершенно очевидно, что автор старается не впускать напрямую в своё слово тревожные, удручающие события и мятежные состояния души: их «дикий пляшущий пожар» она трансформирует в «любви танцующее пламя». Как видим, мировоззрение поэта включает классическое понимание гармонизирующей роли поэзии: «И наполняется душа спокойным радужным мерцаньем». В книге не однажды отразилась её непримиримая деятельная позиция в отношении выявленных её чуткой душой несообразностей мироустройства, как в стихотворении «Другу»:

Ты – вдохновенный гений кисти, палитры, красок и холста,

Поэт, властитель мысли мудрой и вдохновенного листа,
Хранящего твои бесценные творенья.

Дари и дальше столь же плодотворно
Свой гений миру и добру.
Раскройся сущностью свободной
Навстречу солнцу!
И расправь
Доселе так подрезанные крылья...

Убедительность и целевая установка такого призыва поэта обоснованы точным пониманием движения творческой энергии: от творца, который изранен жизнью, но сумеет раскрыться своей «свободной сущностью» «навстречу солнцу», «блаженным звёздам», энергия обязательно вернётся обратно к людям, уже «неся священный внутренний огонь» и «светлую истину творений». В стихотворении показательна искренняя мотивация – не потерять талант своего друга для всеобщего блага: «Ведь ты – друг вечный и непостижимый, принадлежащий ни себе, а миру». Прямо-таки по-Дельвигу, который, как известно, всю жизнь, яркими поэтическими призывами указывая своим друзьям (и Пушкину, и Боратынскому, и Языкову), как они талантливы, был их вдохновителем, наставником и помощником.

Нетерпимость автора книги к сбоям в гармонии родственной творческой души и деятельное участие в трудной судьбе человека не менее ярко озвучены в рассказе о некой талантливой женской особе, теряющей себя в безлюбии:

Стоишь с мольбою на губах
И увядаешь, не найдя отклика,
И время на твоих часах остановилось,
И каждый миг сплошная тьма.

Проснись и поднимись!
Тебя слышали,
Любовь ниспослана за все твои страданья.
Возьмись ослабшей дланью
За поданную руку
И устремись
В не так давно оставленную высь!
«Проснись и поднимись»

Нужно подчеркнуть, что и в других стихах Индиры нет мотивов безысходности и удручающей тоски, которые так нещадно эксплуатируются многими молодыми поэтами. В миг, когда невозможно спокойно пройти мимо естественных для открытого сердца переживаний, она находит лирические средства нейтрализовать их. Особенно трогательным видится открытый ею приём воскрешения в памяти светлых видений прошлого, что и позволяет её душе уйти «из мрачного запутанного сна в мир солнца, радости, добра». И всякий раз, когда в её стихах появляются отражения печали и уныния (без которых жизнь любого человека неисполнима), она стойко отказывается от «мрачных» красок и пессимистических умозаключений:

Всё сгорает внутри.
Безмолвие
Поглощает слова и звуки.
<...>
Где черта?
Всё размыто.
Ищу потерянную грань,
Наощупь выход.
Мне б слова невысказанные как-то обозначить.
<...>
Всё проясняет солнце.
«Я есть. Я здесь». – Возносится.
«Всё сгорает внутри»

Молчи, простуженный февраль!
Побереги свой хрип для стужи.
Сама спую в тоске немой,
Мне мрачный голос твой не нужен!
«Иду, бреду»

В этой неповторимой светоотражаемости поэта видится структурирующее влияние её, сосредоточенного на высших законах, взгляда, упорно поднимающегося над бытованием, взгляда, который так и хочется назвать *космоцентрическим*: ведь практически все явления и события рассматриваются автором стихотворений через призму космоса:

И открывается душа рождённой песне
Из капель звонких долгожданного дождя
И кроны, устремлённой в поднебесье.
«Здравствуй, дерево!»

Искрятся голубые звёзды
В мягком свете голубого месяца,
Глубинной темнотой бескрайней пропасти
Темнеет небо.
<...>
Их тайный вечный разговор
Запечатлён тончайшей серебристой пылью
На нитях млечного пути...
«К совершенству»

Всё дремлет,
Но настанет час
Глубин земных святого пробужденья,
Растает драгоценных изваяний вязь,
Проснётся свет душой воскресшей и нетленной,
Восстанет вечная любовь и благодать
От сна глубокого родившейся вселенной.

Польётся музыка небесных сфер
И освятит
Гармонией чудесного звучанья
Земной гортани погребенный тлен.
«Рождение нового мира»

Не потому ли так жизнеутверждающи и оптимистичны заключительные аккорды книги?

Утром – тишина...
Плеск в раскрытые ладони
Водой солёной,
Обновлённой звёздным небом
И светом наблюдающей луны.

Рассветом окрылённый,
Солнцем восходящим упоённый,
Ясен путь.
«Утром – тишина...»

И нет мне дела до ближайшего конца.
Есть только вечность – золотая середина.
«Весеннее солнце»

Нельзя не подчеркнуть, как многоречива эта маленькая книжка Индиры Рыжаковой...

Кроме смыслового и эмоционального кладезей, в ней можно увидеть, как накапливался опыт поэта в умении передать неповторимость пространства своего обитания.

Поначалу поэтические пьесы являют собой не стихотворения в общепринятом образе оконтуренных и структурированных стихов, а некий поток сознания, в котором смысловые ассоциации и логические связи едва просвечивают, а традиционные рифменные и строфические характеристики практически отсутствуют. К примеру:

Дорогой золотого солнца

Истинная простота – океан и мы.
Белый песок Индии течёт рекой сквозь пальцы.
Громада белых облаков –
Твой мудрый взгляд в синеющую даль,
Порывы дикого неистового ветра.

Нас понимание переполняет,
И верный путь искрится впереди
Дорогой золотого солнца.

Но постепенно книга наполняется зримыми образами и смыслами, которые понятны и волнующи. И как будто ненароком роняет поэт в свои непритязательные строки неожиданно открытые законы жизни, как в стихотворении «Гитара», где иносказательно утверждается, что творческий союз не может возникнуть на расстоянии, он может родиться лишь в едином и ежедневном сопереживании и сотворчестве:

Но с каждым прожитым мгновеньем
Вы становитесь смелее, ближе.
Вы неразрывны.
Произносите своим божественным звучаньем
Непрестанную молитву.
Вы помните тот миг объединенья,
Вы – суть одно.
«Гитара»

Примечателен и авторский отбор слов. Поэт ведёт себя со словами, как с новыми знакомыми: осторожно и с нескрываемым интересом, будто присматриваясь к их характеру и потенциалу. Как в этом маленьком стихотворении, где поэт любителю нюансами различий слов одного смыслового ряда, отображающих симфоническое звучание морского ландшафта:

Дыханье моря,
Шёпот волн
И скал угрюмых мрачное затишье,
И ветра дикого протяжный стон.

В таком вдумчивом общении со словами поэтическая речь автора становится всё увереннее...

И ещё одно наблюдение.

В начале книги складывается впечатление, что поэт не испытывает потребности в рифмах для полноценного поэтического высказывания. Но чем дальше вглубь книги, тем чаще в стихотворные строки, случайно и несистемно, нисходят созвучия, которые начинают играть рифмами, кажется, независимо от автора, как в этом обаятельном стихотворении, призывающем участвовать в сохранении и творении красоты:

Нам надо рисовать

Нам надо рисовать!
Смотри, вот лист осенний
Лежит, желтея, в утренней росе.
Остановись и подними.
Но скажешь ты – так мало времени.
А ты возьми и рассмотри.

Увидишь яркую палитру –

Зелёный, жёлтый, красный, золотой,
Что неизменно вызовет улыбку
И озарится сердце теплотой.

Придя домой, уставший и счастливый,
Возьми и обведи листок.
Достань коробку красок, кисти.
Запечатли прекрасной осени исток...

Пришла зима,
Тот лист осенний
Давно засох и побледнел.
Твоё ж нетленное творенье
Сияет цветом на стене.

Нам надо рисовать!
Теперь ты видишь, знаешь!
Мечтатели, художники мы все.
Всё очень просто, надо лишь заметить
Листок осенний в утренней росе.

А в стихотворении «**Лик**» рифмы уже звучат как неотразимая смыслоподъёмная сила, так верно и неустанно движущая русскую поэзию в противостоянии с вольными, верлибровыми временами:

Лик

Твой взгляд – небесный омут тёмной ночи,
Твой лик – бархан, песчаным ветром опалим.
Скажи, что сущности небес нам напророчат?
Куда несёт нас рока пилигрим?

Все эти наблюдения убеждают в том, сколь последовательно и целенаправленно развивается талант Индиры Рыжаковой. И как не порадоваться, что наш город получает ещё одного поэта, дипломированного авторской книгой, поэта с собственным голосом, искрящимся неподражаемым восторгом перед чудом природы и человека-творца, поэта, способного подарить читателям яркий выход для самых разных эмоций, настроений и мыслей.

*Людмила Корнеева,
член Союза писателей России*